

Глава 8. Башня Подавления Демонов

Находясь в беспамятстве, Ху Цзюмин грезил наяву. Ему казалось, будто некий пылкий, точно огонь, мужчина без конца переворачивает его и ласкает. Тот бережно, до мельчайших подробностей исследовал его тело, оставляя после своих прикосновений очаги жгучего, невыносимого пламени, и отступил лишь тогда, когда терпеть этот жар стало невозможно. И хотя лису по душе были столь страстные натуры — он даже невольно подставил на место воображаемого любовника лицо того невозмутимого даоса, — этот пыл перешёл все разумные границы. От неистового жара перехватывало дыхание, а душа едва не разлеталась на куски.

С трудом приоткрыв веки, Ху Цзюмин с удивлением обнаружил, что его никто не пленил. Напротив, он лежал в мерно покачивающейся повозке. В его серебряных глазах вспыхнула едва заметная радость. Лис приподнял голову и сразу же наткнулся взглядом на невозмутимый, строгий лик даоса.

Заметив, что монах погружён в медитацию, лис решил пока его не тревожить. Спаситель, да к тому же первый, с кем ему довелось разделить ложе, — столь исключительное положение давало Цзи Циню право на особое отношение со стороны капризного оборотня.

По привычке собравшись полизать переднюю лапу, Ху Цзюмин опустил голову и оцепенел: лапка оказалась совершенно голой, а острые когти сиротливо прятались в розовых нежных подушечках. Опешив, лис спешно оглядел себя и уставился на собственную грудь. Так и есть — там красовалась голая кожа, на которой не осталось ни единой шерстинки! Что, во имя всех демонов, здесь произошло?!

Величественный облик девятихвостого лиса был безжалостно растоптан. Похоже, он удостоился сомнительной чести стать первым в мире обрванным оборотнем! Виновник этого святотатства мог быть только один. Вскипев от ярости, Ху Цзюмин ринулся на спящего даоса.

«Ах ты паршивый монах! Ну и пусть завидуешь моей несравненной красоте, но мстить исподтишка, лишая меня шерсти, — это уже верх наглости!»

Оскалив острые клыки, Ху Цзюмин мёртвой хваткой вцепился в рукав Цзи Циня. Он повис на руке своего спасителя, яростно терзая зубами плотную ткань рясы и обиженно, утробно рыча.

Нахмурившись, Цзи Цинь взглянул на повисшего на руке зверя и заметил лихорадочный блеск в его глазах. Легким движением он стряхнул оборотня. Белый комок покатился по сухой соломе, перевернулся несколько раз и, пошатываясь, устоял на лапах.

— Проголодался? — бесстрастно спросил даос.

С парой сухих соломинок на макушке Ху Цзюмин грозно размахивал лысой лапкой, пытаясь напугать даоса. И хотя его ярость не поддавалась описанию, лису всё же пришлось отступить на безопасное расстояние. Он всерьёз опасался, что этот непредсказуемый монах в наказание

за дерзость обриет его догола.

Вытащив из-за пазухи обглоданную кость, Цзи Цин бросил её зверю, после чего закрыл глаза и вернулся к медитации. По его разумению, лисы питались мясом, однако в его скудных припасах не нашлось ничего получше. Нормально поесть они смогут только в ближайшем поселении.

Понурился, Ху Цзюмин брезгливо отпихнул кость лапой и забился в угол. Внутри у него всё кипело от негодования. Не будь он сейчас ранен, обязательно проучил бы этого сухаря! Лис свернулся калачиком, буравя даоса сердитым взглядом.

«Раз уж этот монах корчит из себя такого праведника, — злорадно подумал он, — стоит однажды раздеть его догола и вывесить на площади на всеобщее обозрение. Вот тогда он запомнит этот урок!»

Повозка добралась до окрестностей города Яньчэн как раз к полудню. Цзи Цин не стал въезжать в городские ворота, а остановился у придорожной корчмы на окраине, чтобы перекусить на скорую руку. До Башни Подавления Демонов оставалось не больше полудня пути. Башня скрывалась глубоко в горах Яньчэн под защитой древней печати, и он понимал, что может застрять там надолго, а значит, стоило запастись провизией в дорогу.

Устроившись за столом, даос велел подать две простые порции пшеничной лапши. Ху Цзюмин отчаянно замахал лапками, бунтуя против такого скудного рациона. Он то и дело указывал носом на соседний столик, где исходила паром запечённая баранья лопатка, и шумно сглатывал слюну, однако Цзи Цин остался неумолим. Из холодного взгляда монаха лис без слов всё понял: раз брезгуешь грызть кости, забудь и о сочном мясе.

«До чего же мелочный попался монах!» — мысленно сокрушался Ху Цзюмин, чувствуя, как от злости остатки его шерсти встают дыбом.

Трактирный слуга принёс две миски дымящейся лапши. Заметив, что на лавке напротив даоса с безупречно ровной спиной восседает пушистый белый комочек, он не удержался от вежливой улыбки:

— Уважаемый гость, а собачка-то у вас какая знатная да пригожая!

Цзи Цин лишь невозмутимо кивнул в ответ и пододвинул одну из мисок к лису, который от такого сравнения едва не захлебнулся собственной злостью.

Слуга удивился тому, что постоялец делит обед с домашним питомцем, но послушно пожелал приятного аппетита и удалился. Ху Цзюмин проводил его свирепым взглядом, в котором метались молнии.

«Ну и слепец! — бушевал в мыслях лис. — Назвать благороднейшего девятихвостого лиса какой-то дворовой шавкой! Повылазило ему, что ли?!»

Цзи Цин взял палочки и подцепил лапшу. Глядя на лиса сквозь поднимающийся пар, он подумал, что не будь его рядом, этот вспыльчивый оборотень уже давно расцарапал бы бедному слуге лицо.

С трудом отведя взгляд от ушедшего слуги, Ху Цзюмин уставился на миску. В конце концов, в его жилах текла чистейшая кровь древнего рода, и опускаться до подачек гордость ему не позволяла. Однако голодный желудок настойчиво требовал своего, и лис то и дело косился на соседа. Даос ел не торопясь. Он уверенно держал палочки из тёмного дерева тонкими изящными пальцами. Даже такое простое дело, как поедание лапши, он умудрялся превращать в благородный ритуал, разительно отличаясь от мужиков за соседними столами, которые жадно чавкали и уплетали еду так, словно их не кормили вечность.

От этого зрелища аппетит разыгрался с новой силой. Простая лапша в миске словно сама просилась в рот, и в конце концов пустой желудок взял верх над гордостью. Лис обречённо вздохнул.

«Ладно уж, благородный муж может подождать с мекстью и десять лет. Сначала нужно набраться сил, а от одной скромной миски моё величие не убудет».

Когда Цзи Цин отложил палочки, перед ним предстала уморительная картина: белый лис ушёл в миску чуть ли не с головой, уплетая лапшу за обе щёки. Его свободная лысая лапка нетерпеливо скребла по деревянной столешнице, выдавая, с каким упоением он поглощает еду.

Вскоре лис, словно почувствовав на себе пристальный взгляд, наконец оторвался от еды и поднял испачканную мордочку, встретившись глазами с даосом. Ху Цзюмин никак не ожидал, что его застукают за столь неподобающим и приземлённым занятием. Позабыв обо всём на свете, он пулей слетел с лавки и бросился обратно в повозку.

«Вот же позор! — сокрушался он, забившись в сено. — Вся моя безупречная репутация утончённого красавца пошла прахом из-за какой-то несчастной миски лапши!»

Проводив взглядом стремительно улептывающий белый комок, Цзи Цин на мгновение растерялся. Неужели разглядывать обедающего оборотня и впрямь считалось верхом неприличия?

Расплатившись со слугой, даос приобрёл кое-какие дорожные припасы, спрятал их в пространственный мешок и не торопясь вернулся к повозке. Заглянув внутрь, он сразу же приметил лиса. Тот сидел в самом дальнем углу, приняв на редкость величественную позу и тщательно разгладив уцелевшую шёрстку. Из полумрака он сердито взирал на Цзи Циня своими блестящими серебряными глазами.

Сделав вид, будто не заметил за спиной лиса свежее жирное пятно на светлой ткани, Цзи Цин устроился напротив него.

— Твои раны почти затянулись, — спокойно произнёс даос. — Завтра тебе стоит уйти.

В ответ лис лишь гордо вскинул голову. Раз уж его так откровенно выставляли вон, навязываться и унижаться Ху Цзюмин точно не собирался.

Свернувшись в углу повозки, Ху Цзюмин всем своим видом демонстрировал полнейшее равнодушие к словам человека, однако на душе у него всё же скребли кошки.

«Нашёлся тут, понимаешь, праведник! — злился оборотень. — Сам великий девятихвостый лис, писанный красавец, снизошёл до дружбы с ним, а этот сухарь ещё и нос воротит. Настоящий мужлан, в прекрасном совсем ничего не смыслит!»

Глубокой ночью повозка наконец остановилась у подножия гор Яньчэн. Не дожидаясь, пока даос нарушит молчание, Ху Цзюмин серебряной тенью выскользнул наружу и мгновенно растворился в ночной лесной чаще.

Распрягши верного быка, Цзи Цин ласково похлопал его по боку, стряхивая дорожную пыль, а затем развернулся и зашагал в горы Яньчэн. Уже отсюда он отчётливо ощущал едва уловимые колебания тёмной энергии — скрытый барьер, ведущий к Башне Подавления Демонов, находился совсем близко.

Стоило фигуре даоса раствориться в ночной тьме, как у повозки вновь бесшумно соткался знакомый серебряный силуэт. Настороженно оглядевшись по сторонам, лис неторопливо обошёл брошенную телегу. В его душе сейчас бушевала нешуточная борьба: уязвлённая гордость велела уйти прочь и забыть о высокомерном человеке, но жгучее любопытство тянуло следом — уж очень хотелось узнать, куда это на ночь глядя направился этот чёрстый даос.

Поколебавшись ещё немного, Ху Цзюмин всё же решился. Он интуитивно чувствовал, что эти горы таят в себе нечто грозное. Воздух здесь был пропитан древней, давящей силой, которая одновременно пугала его и манила, пробуждая дикие инстинкты.

«Да и если этот глупый монах сгинет там, в дебрях, — резонно рассудил лис, — с кого мне тогда спрашивать за мою испорченную шкурку?»

Пойдя по следу Цзи Циня, Ху Цзюмин чутко втягивал носом воздух, отыскивая знакомый запах. Однако, углубившись в лес примерно на сотню шагов, он с досадой обнаружил, что кружит вокруг трёх сосен. Очевидно, даос наложил на тропу отводящие глаза чары. Недолго думая, лис пошарил мягкой лапкой в своей шкуре и выудил лоскут ткани, когда-то принадлежавший монаху. Тщательно обнюхав его, он уверенно устремился вперёд, сквозь морок.

Перед мерцающим массивом Тайцзи и Восьми триграмм Цзи Цин извлёк из-за пазухи небольшую деревянную шкатулку. Достав оттуда половинку расколотого нефритового диска, он подбросил её в воздух. Тотчас ввысь взметнулся столб чёрно-белого сияния, и древний узор на земле пришёл в движение. Рыбы Инь и Ян заскользили навстречу друг другу, сливаясь в единое целое, пока в невидимой стене не открылся узкий проход шириной в человеческое плечо.

Едва даос скрылся в проходе, серебряная тень беззвучно скользнула следом, успев проскочить внутрь в самый последний миг. Сразу после этого барьер с тихим шорохом захлопнулся, и сияющие триграммы растворились в ночном воздухе. Вокруг вновь воцарилась тишина векового леса, нарушаемая лишь шелестом исполинских деревьев да колыханием густого плюща.

Оказавшись по ту сторону преграды, Ху Цзюмин почувствовал, как мир вокруг него безумно закружился. Когда головокружение улеглось, он обнаружил себя перед исполинской, уходящей в самые облака пагодой. Глядя на древнее восьмиступенчатое сооружение из тёмного камня, лис почувствовал, как у него предательски подкашиваются лапы. И всё же он упрямо заставил себя стоять прямо, хотя от стен Башни Подавления Демонов веяло такой жуткой, концентрированной силой, что любой из заточённых внутри монстров по мощи явно не уступал королю демонов.

Ещё на горе Юньцан он краем уха слышал легенды об этом жутком месте. Но тогда, будучи совсем молодым оборотнем, никогда не покидавшим родные края ради мира смертных, он лишь отмахивался от старых сказок. И вот теперь перед ним высился тот самый легендарный исполин.

Пусть Ху Цзюмин и практиковал без году неделю, в его жилах текла благородная кровь девятихвостых лис. Он остро чувствовал смертельную опасность, исходящую от башни, но вместе с тем улавливал и некий манящий зов: внутри скрывалось нечто такое, что могло многократно ускорить его развитие. Цзи Цин уже давно скрылся из виду — скорее всего, он вошёл внутрь. Поколебавшись мгновение, лис засеменил по высоким каменным ступеням, твёрдо вознамерившись последовать за даосом.

Ступая по холодным каменным плитам, Ху Цзюмин скользнул под свисающие разноцветные шёлковые ленты, преграждавшие путь. Когда он пересёк эту пёструю завесу, воздух вокруг пронзил хрустальный звон невидимого колокольчика, а по телу пробежала лёгкая, онемевшая судорога. Впрочем, стоило ему переступить порог и оказаться под мрачными сводами башни, как наваждение бесследно исчезло.